

Москва, Комсомольск. — 1998. — 26 марта. — с. 1.

РЕКВИЕМ ПО ЖИЗЕЛИ

**Россия простилась
с богиней танца**

Белое фойе Большого. Огромная люстра, укутанная траурным крепом, гроб, утопающий в цветах. Реквием. И солнце, упорно пробивающееся сквозь опущенные драпри.

Все знали, что в последние годы она вела очень замкнутый образ жизни, боялась, что сегодняшнее бешеное время может ранить или испугать ее. Общалась в основном по телефону. А в театре осталась близка только с двумя своими учениками — Ниной Семизоровой и Николаем Цискаридзе. Но их, увы, небыло: гастроль сильнее смерти. Так что в последний путь Уланову провожали балетные артисты и балетоманы, многолетние поклонники, театральные деятели.

Но, может быть, самое поразительное то, что последние политические перестановки не помешали гостиничникам, настоящим и бывшим, прийти в Большой. Экс-лидеры не стояли, как принято, в почетном карауле. А Виктор Черномырдин как-то тихо положил свой букет и отошел в сторонку.

Этой осенью Уланова, как обычно, пришла на сбор труппы Большого театра. Никто не знал, что это — последний раз. Как обычно, сидела в первом ряду, заслонялась рукой от фотокамер. Но через несколько дней, на сборе труппы в театре Маяковского, вдруг отколола номер, которого никто не ждал от дамы ее лет: под прицелом фотокамеры, не сгибая колен, коснулась кончиками пальцев пола.

Первым балетом Улановой в Большом была "Жизель". Именно этот спектакль стал для нее последним: как консультант она работала над новой редакцией "Жизели" в постановке Владимира Васильева.

Галину Уланову, согласно ее просьбе, похоронили на Новодевичьем кладбище.

**Владимир КОТЫХОВ.
Фото Сергея ТЕТЕРИНА.**

Вчера Москва прощалась с великой русской балериной Галиной Улановой. Уже с утра Пушкинская улица и все подступы к Большому театру были запружены народом. Километровая очередь протянулась от Московской оперетты к театру, с которым Галина Уланова не расставалась до последних дней жизни. Яркое весеннее солнце диссонировало с печальными лицами людей. Впрочем, Уланова, думая о смерти, повторяла: "Только бы не зимой". Умерла она в холодный серый день. Зато в день похорон солнце было ослепительным.

Люди шли и шли к театру — в основном немолодые, скромно одетые, с аккуратными букетиками в руках. Старые служительницы Большого рассказывают, что всякий раз, когда звезда балета выходила из театра, ее встречали такие же скромные поклонники с маленькими букетиками. Она принимала их, немного стесняясь пристальное внимание к своей особе ее настораживало.

— Я, как сейчас, помню ее танец, — сказала одна из поклонниц. — Сколько раз я смотрела балет "Жизель", но не могла удержаться от слез в сцене сумасшествия Жизели. Не было никаких внешних эффектов — только боль.

Прощание у Большого